

КОЛЕБАНИЯ В ПАДЕЖНЫХ ФОРМАХ

Колебания в словоформах и неустойчивость морфологических норм русского литературного языка объясняется различными причинами, одни из которых восходят к историческому прошлому языка (даже к его древнему строю), а другие представляют собой абсолютно непреходящие закономерности живого, развивающегося языка.

Обширная научная литература посвящена истории и конкуренции форм родительного падежа на *-а (-я)* и на *-у(-ю)*: *сахара — сахару, чая — чаю*. Принято считать, что постепенно устаревающую форму на *-у(-ю)* в современном языке сохраняют следующие разряды имен: 1) вещественные существительные при обозначении части целого (*кружка квасу, кусок сыру*); 2) некоторые собирательные и отвлеченные существительные (*много народу, мало жару*); 3) некоторые существительные в предложных сочетаниях (*из лесу, с испугу*) и в составе устойчивых фразеологических оборотов (*с миру по нитке, нашего полку прибыло, сбиться с панталыку*). В остальных случаях рекомендуется употреблять форму на *-а (-я)*: *вкус чая, производство сахара, среди народа* и т. п. Обычно указывается также на стилистическое различие этих падежных форм (оно было отмечено еще М.В. Ломоносовым): формы на *-у(-ю)*, в отличие от нейтральных форм на *-а(-я)* стилистически несколько снижены, носят разговорную окраску.

Эти правильные выводы о соотношении конкурирующих вариантов нуждаются все же в некоторых дополнениях и уточнениях.

Во-первых, формы родительного падежа на *-у(-ю)* дольше удерживаются у односложных или двусложных слов (исконно русских или ранних заимствований): *квас, чай, воск, сыр, лук, сахар, творог, табак* и т. п. При этом некоторые из них чаще даже принимают флексию *-у*, чем *-а*. Например, в литературном языке XIX в. полностью господствовал вариант *квасу*; в современной литературе зафиксировано: *квасу* (М. Горький, В. Катаев, Никитин, Замятин, Шукшин, Герман, Саянов, Сартаков, Соколов-Микитов, Проскурин и мн. др.), *кваса* (Л. Леонов, Нилин, М. Алексеев, Г. Марков). Варианты *чаю* и *чая* у современных писателей оказались равновероятными. Зато у трехсложных заимствованных слов (*шоколад, лимонад, нафталин, рафинад* и т. п.) значительно интенсивнее распространяются формы на *-а(-я)*. Для многосложных же слов (*беспорядок, переполох, пирамидон* и т. п.) окончание *-у(-ю)* вообще малохарактерно.

Во-вторых, отчетливо обнаруживается зависимость выбора форм на *-у(-ю)* или *-а(-я)* от синтаксических конструкций. Если в именных словосочетаниях при обозначении части целого допустимо употребление обеих форм: *кусочек сахара (сахару), чашка чая (чаю)* и т. п., то в глагольно-именных словосочетаниях (при наличии переходного глагола) естественной и нормативной для современного языка продолжает оставаться форма на *-у(-ю)*: *положить сахару, заварить чаю, нарезать сыру, налить супу* и т. п. Вот некоторые примеры из современной художественной литературы, где применение формы на *-у(-ю)* обусловлено

управляющим переходным глаголом, а — формы на *-а(-я)* зависят от управляющего имени: *Ты только садись и поешь супу...* [Она] *налила ему полную тарелку супа с вермишелью* (Лидин. Индийский гость); *Зиновий Семенович еще отпил чаю...* — *Принесите по стакану чая* (Герман. Я отвечаю за все).

В-третьих, формы на *-у(-ю)* прочно удерживаются (и даже являются предпочтительными) при употреблении в родительном падеже уменьшительных имен *медку, чайку, сахарку, кофейку* и т. п. Это, очевидно, вызвано типичными синтаксическими и контекстными условиями употребления уменьшительных имен (наличие переходного глагола, эмоционально-экспрессивный характер высказывания).

Следует, наконец, отметить, что выбор форм родительного падежа находится в некоторой зависимости и от особенностей предлогов. Например, с предлогом *от*, который, обозначая внешнюю и внутреннюю мотивировку действия, качества или состояния, способствует большей расчлененности представления, употребляются чаще продуктивные формы на *-а(-я)*: *от голода, от смеха* и т. п. Наоборот, с предлогом *с(со)*, обозначающим только внутреннюю причину состояния и употребляющимся в кругу разговорных выражений, предпочтительными оказываются формы на *-у(-ю)*: *с голоду, со смеху* и т. п.

Лексико-синтаксическая обусловленность наблюдается также и у некоторых вариантов родительного падежа множественного числа. Как известно, грамматическая норма особенно неустойчива у отдельных наименований единиц измерения (*граммов — грамм*), у слов, обозначающих фрукты, плоды, овощи (*апельсинов — апельсин*), а также в наименованиях парных предметов (*носков — носок*).

Относительно конкурирующих форм родительного множественного слова *грамм* (*сто граммов* или *грамм?*) высказывались весьма разноречивые мнения. Во многих пособиях и руководствах по стилистике форма с нулевой флексией (*сто грамм*) категорически запрещается. В современных словарях предпочтение отдается традиционной форме — *граммов*. Смягчение нормативной оценки формы *грамм* (вм. *граммов*) вызвано массовым вхождением этого варианта не только в устную, но и письменную речь.

Не менее распространено в разговорной речи и колебание в формах родительного множественного у названий фруктов и овощей (в особенности у слов с основой на сонорный согласный, что, как отмечалось выше, предрасполагает к формальному варьированию). Употребление форм *апельсин, мандарин* (вм. *апельсинов, мандаринов*) встречается и в художественной литературе у М. Горького, Есенина и других писателей.

Однако было бы опрометчивым признать равноправность форм на *-ов* и форм с нулевой флексией. И дело здесь не только в престиже традиционной формы на *-ов*, предпочитаемой в письменной (особенно научной и официально-деловой) речи. Весьма существенно то, что рассматриваемые морфологические варианты обнаруживают определенную зависимость от значения падежа и характера словосочетаний. Так, варианты с нулевой флексией не только свойственны разговорной речи, но и употребляются обычно в стандартных количественных сочетаниях со словами, обозначающими единицы измерения

(сто грамм, килограмм апельсин, тонна помидор). При обозначении же, например, отдельных, считаемых предметов или в других значениях родительного падежа применяются только формы на *-ов* (*пять мандаринов, запах апельсинов, ящик из-под помидоров* и т. п.).

Таким образом, помимо наличия стилистической окрашенности, формы родительного множественного с нулевой флексией постепенно приобретают особую и синтаксическую специализацию, употребляясь преимущественно в счетных словосочетаниях, например *двое грабель, но продажа граблей* (и *грабель*).

Поистине драматической страницей в русистике остается судьба форм именительного множественного на *-ы(-и)* и *-а(-я)*.

Общее направление развития языка и следующей за ним переоценки форм здесь как будто очевидно — это все более широкое вхождение и нормативное признание продуктивных форм на *-а(-я)*. Форма *домы* была обычной для литературного языка XIX в. (Гоголь, Жуковский, Майков, Полежаев, Гончаров и др.), она встречалась еще в поэзии начала XX в. (Блок, Асеев), но уже совершенно неприемлема в наши дни. Грубой ошибкой считалась в конце XIX — начале XX в. форма *поезда*, сейчас, наоборот, странно было бы услышать рекомендуемую учителями гимназий форму *поезды*.

И все-таки, несмотря на массовое вхождение новых форм на *-а(-я)* и даже нормативное признание, многие из них (например, *бухгалтера, договора, корректора* и т. п.) производят впечатление второсортности, стилистической сниженности. Причем даже проникновение их из профессиональной речи в художественную литературу не может служить надежным доказательством стилистической равноценности новообразований на *-а(-я)* и традиционных форм на *-ы(-и)*. Большинство новых вариантов на *-й(-я)* остаются функционально ограниченными: ими не следует, например, пользоваться в научной, официальной и тем более в торжественной речи.

Современные лингвистические взгляды на соотношение рассматриваемых морфологических вариантов опираются главным образом на их стилистическую противопоставленность (многие формы на *-а(-я)* относятся к сфере просторечия и профессиональной речи), социальную приуроченность (формы на *а(-я)* чаще наблюдаются у рабочих, служащих и студентов-нефилологов), а также смысловое разграничение: считается, что слова с предметным значением свободнее принимают флексию *-а(-я)*, чем, скажем, слова, обозначающие лиц.

Кроме того, есть и чисто формальные ограничения для распространения и признания нормой флексий на *-а(-я)* в именительном падеже множественного числа. Оказывается, их получают сейчас главным образом дву-, трехсложные существительные мужского рода с основой на сонорный (в особенности — плавный) звук, например: *тополя, купола, клевера, якоря* и т. п. Напротив, многие односложные слова (*суп, торт, план* и т. п.), как и многосложные (ср.: *токарь — токарки и токаря, но библиотекарь, только — библиотекари*), сохраняют традиционные формы: *супы, торты, планы* и т. п. Впрочем, и среди односложных слов есть немало таких, у которых утвердилась новая флексия: *года, снега, тома* и т. п.

Вечная эволюция языка подтачивает даже закреплённые на письме и охраняемые грамматическими пособиями правила образования форм. С другой стороны, дублетность в морфологии современного русского литературного языка уже не представляется целиком избыточной. Многие вариантные формы приобрели ту или иную функциональную нагрузку, став при этом важным стилистическим ресурсом языка (ср.: *в отпуске* и в разговорной речи *в отпуску*; *сыновья* и в торжественной речи *сыны*, например: *сыны отечества*). Весьма существенной является закреплённость параллельных морфологических форм за определёнными синтаксическими конструкциями (ср.: *чашка чая, тарелка супа*, но в сочетании с переходными глаголами обычно: *налить чаю, супу*). Такая приуроченность форм, свидетельствующая об их функциональном своеобразии, не может не учитываться в нормативной практике и при обучении русскому языку.